

Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска

© Аватков В. А.

© Avatkov V.

Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска

Ideologems of Russian foreign policy: 25 years of search

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления российской внешней политики в постсоветский период, начиная от прозападных иллюзий до сосредоточения на собственных политических интересах и перехода от пассивного наблюдения к активным действиям. В результате трансформации системы международных отношений Россия столкнулась с необходимостью скорейшего перехода к проактивной внешней политике, подразумевающей действия на упреждение.

Annotation. The article considers the main stages of formation of Russian foreign policy in the post-Soviet period, ranging from Pro-Western illusions to focus on their own political interests and transition from passive observation to active actions. In the transformation of the international system and the events occurring on the world political stage, Russia faced the need for a speedy transition to a proactive foreign policy.

Ключевые слова. Внешняя политика, информационная война, принципы внешней политики России, проактивная внешняя политика, внешнеполитическая идеология России, международные отношения, национальная идентичность, НАТО, ИГ, Сирия.

Key words. Foreign policy, information warfare, principles of Russia's foreign policy, proactive foreign policy, foreign policy ideology of Russia, international relations, national identity, NATO, ISIS (Daish), Syria.

За 25 лет с момента распада Советского Союза российская внешняя политика претерпела целый ряд трансформаций и прошла несколько этапов становления. В то же время она столкнулась с новыми вызовами, связанными с изменением международной политической среды.

Внешнеполитическая идеология, представляющая собой набор идеологем, на которых строится внешнеполитическая стратегия и курс государства, существует у всех стран. Это не зависит от того, признают ли они ее наличие, и прописана ли она в официальных документах. Соответствующий набор принципов определяет направление вектора поведения государства на международной арене, т. к. внешняя политика без принципов является переходной формой — политикой хаоса и поиска своего нового места.

АВАТКОВ Владимир Алексеевич — преподаватель военной кафедры МГИМО(У) МИД России, доцент кафедры международных отношений Дипломатической Академии МИД РФ, доцент кафедры прикладной политологии ГАУН (г. Москва), кандидат политических наук.

С самого начала существования новой России возникла дискуссия о ее приоритетах во внешней политике [9]. Базовым принципом, положенным в основу внешнеполитической идеологии постсоветской России, можно назвать стремление на Запад. В то время интеграция с западными структурами и поиск своего места в западном (читай: американском) мире стала определенной иллюзией, догмой, которую мало кто рисковал и мог оспорить. Жесткая идеология коммунистической партии сменилась непрописанной идеологией западничества. Возникновение этой иллюзии связано с разочарованием в основах внешней и внутренней политики Советского Союза. Новая российская власть, вместо попыток определить свое собственное место на евразийском континенте и сконцентрироваться на поиске индивидуальной стратегии, обратилась лицом к Западу.

Исторически Россия постоянно пребывала в глобальном поиске себя внутри собственной страны и себя же в окружающем мире. Герб Российской Федерации, на котором изображен двуглавый орел, смотрящий на Запад и на Восток, представляется лишь подтверждением раздвоенной идентичности. Две российские сущности, восточная и западная, регулярно сталкивались между собой, и наиболее результативным это противостояние было, когда Россия концентрировалась на поиске своего собственного пути.

Этап 1990-х гг. встраивается во всю парадигму развития России, которая разрывалась между Западом и Востоком. Политический курс страны до прихода на пост министра иностранных дел Е. М. Примакова можно охарактеризовать как жесткое западничество. Этот этап является периодом формирования нового восприятия действительности, основанного на мечтах о радушном принятии западным миром России в свои ряды. По сути, именно этот этап безоглядного западничества и позволил России осознать пагубность подобного рода перегибов. Именно этот этап привел к тому, что даже в эпоху правления Б. Н. Ельцина, который в большинстве своих действий ориентировался на Запад, министром иностранных дел после проамериканского А. В. Козырева смог стать Е. М. Примаков. Один из важнейших постов в руководстве страны занял востоковед, человек, мыслящий стратегически и понимающий, что характер России находится на равном удалении и от Запада, и от Востока. К моменту прихода на пост министра Примакова российскую внешнюю политику на Западе уже никто всерьез не воспринимал. В США главенствовало мнение, что СССР проиграл «холодную войну» и развалился, а у новой России нет ни желания, ни стремления быть мировой державой, что выводило ее из ранга таковых держав хотя бы по причине отсутствия соответствующего восприятия.

Действительно, Российская Федерация в первой половине 1990-х была поглощена внутренними проблемами, не уделяла внимания внешней политике, передав все лавры победителя в «холодной войне» Соединенным Штатам, которые путем информационно-политических манипуляций превращали себя в мирового гегемона. Прозападная политика России была использована США для реализации собственных интере-

сов и культивации своих ценностей в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Хотя насаждение этих ценностей шло болезненно и сложно воспринималось менявшимися элитами, Соединенные Штаты продемонстрировали, что готовы применять как мягкую, так и жесткую силу для укрепления своего мирового лидерства и на благо собственным интересам.

К моменту прихода на пост министра иностранных дел Примакова у США сложилось впечатление, что они могут безнаказанно делать все, что посчитают нужным. И мировое сообщество, страны—члены Совета Безопасности, в том числе и Россия, как минимум не станут мешать. Именно отстраненная позиция других государств и наделила такими полномочиями США. А это привело не только к реализации их собственных интересов посредством мягкой силы, «макдональдизации» мира, где мировому сообществу предлагалось жить исключительно в рамках идеологием потребления, направленных на удовлетворение интересов американских корпораций, но и к возможности показать свою военную мощь в борьбе с инакомыслием или негативным восприятием американского внешнеполитического курса.

Наиболее наглядным доказательством этой новой роли Америки рано или поздно должна была стать демонстрация силы в отношении одного из европейских государств с целью показать всему миру, что США способны управлять даже Европой — частью света, которая считалась наиболее развитой и на которую ориентировались многие другие страны. Именно поэтому Соединенные Штаты начали операцию на территории Югославии, осуществив в центре Европы бомбардировку в мирное время. При этом США и Россия продолжали вести диалог о сокращении вооружений [15. С. 91—103].

Именно боевые действия в Югославии стал переломными в восприятии Россией Запада, позволили вновь трезво взглянуть на происходящее и перейти к формированию собственного внешнеполитического курса. Получив известия о варварских действиях американцев, Е. М. Примаков развернул самолет, чтобы вернуться в Москву. Но, прибыв на Родину, он столкнулся с иным восприятием действительности в высшем руководстве страны и достаточно скоро покинул свой пост.

В 1996 г. А. Д. Богатуров охарактеризовал сложившуюся мировую систему как «плюралистическую однополярность» [11. С. 25], а в 2000-м его коллега профессор М. М. Лебедева говорила о формировании новой структуры мира и необходимости поиска в новой «сетевой» структуре места России [16. С. 40—50].

Приход на пост министра иностранных дел И. С. Иванова ознаменовал начало следующего этапа развития внешней политики России, которая встала на путь поиска своего места в новом мире. Иванов поддерживал принципы, заложенные политикой Примакова, и эта же линия была продолжена следующим министром — С. В. Лавровым.

С. В. Лаврову за достаточно короткий срок удалось в полном объеме восстановить деятельность МИД РФ. Витавшие в воздухе во времена Козырева идеи о том, что дипломат в первую очередь должен сосредото-

читься на английском языке и на западных ценностях, а знание восточных языков не является для него обязательным, ушли в прошлое. Россия вновь становится полноправным членом мирового сообщества и переходит к активной региональной политике, приоритетно направленной на восстановление своего лидерства на постсоветском пространстве. В то же время Россия предлагает переход системы международных отношений к многополярности, при которой управление мировыми внешнеполитическими процессами осуществлялось бы группой наиболее крупных и сильных держав, одной из которых, бесспорно, должна стать и сама Российская Федерация.

Именно Россия активно способствовала формированию новых организаций мировых лидеров — таких, как «Группа 20» (G-20) и форум БРИКС. Это благотворно повлияло на восстановление имиджа России как государства, способного самостоятельно осуществлять политические функции мирового масштаба, а не действовать с постоянной оглядкой на Соединенные Штаты.

Россия предлагает переход системы международных отношений к многополярности, при которой управление мировыми внешнеполитическими процессами осуществлялось бы группой наиболее крупных и сильных держав, одной из которых, бесспорно, должна стать и сама Российская Федерация.

За прошедшее к тому моменту время в мире уже обозначились новые тенденции. Система международных отношений, сложившаяся после Второй мировой войны, не завершила свое существование после распада СССР: все инструменты и механизмы, заложенные в биполярной системе международных отношений, продолжали работать в 1990-е гг. и во многом применяются и сегодня. Однако восприятие этих инструментов и механизмов кардинально изменилось, и в первую очередь в странах Запада. Россия в годы правления В. В. Путина и пребывания на посту министра иностранных дел С. В. Лаврова выступила своеобразным охранителем базовых принципов Ялтинско-Потсдамской системы, которые базировались на признании необходимости установления и сохранения мира. Мирный характер внешней политики России не мог устраивать страны Запада, и на определенном этапе он стал восприниматься как слабость, тогда как именно в стремлении сохранить мир и заключалась сила новой внешнеполитической идеологии России. При этом основной чертой внешнеполитического курса в целом стало «охранительство». Это не только поддержание самой системы, но и сохранение всего достигнутого ранее, попытка сберечь наработанное. Россия

продолжала настаивать на незыблемости суверенитета и границ всех стран. США же перешли к понятию гуманитарных интервенций, уделяя особое внимание изучению различных форм ограниченного суверенитета, когда независимость государств нарушалась теми или иными международными инструментами и институтами, подконтрольными Соединенным Штатам.

* * *

Наиболее крупным испытанием для внешнеполитического курса России, основанного на международном праве и стремлении сохранить достижения международной политической практики, стали события 2008 г., когда грузинский президент М. Саакашвили отдал приказ о начале наступления на, как он считал, собственный регион — Южную Осетию. В рамках этого наступления, которое изначально представляло собой артиллерийский обстрел Цхинвала, были убиты российские военнослужащие, дислоцированные в регионе для поддержания мира. После этого Россия впервые за свою новую историю приняла решение перейти от оборонительной к наступательной политике, что переросло в операцию по принуждению к миру. Ее провели российские вооруженные силы при дипломатической поддержке Министерства иностранных дел России.

Однако к тому моменту война уже не могла ограничиться рамками сугубо боевых действий и уж тем более перестала основываться на международном праве. Россия столкнулась с новым типом ведения войны — войны в информационном пространстве, к которой МИД, до этого занимавшийся регенерацией своей функциональности, не был готов. Не был готов он и к проведению активной внешнеполитической линии, а большая часть гуманитарных инструментов, наработанных Советским Союзом, уже утратила былую эффективность. В силу этого, несмотря на успешное ведение боевых действий, информационную войну Россия проиграла, и западным СМИ удалось представить ее мировой общественности в образе агрессора. Информация искажалась до такой степени, что кадры обстрелов грузинскими военнослужащими, как они считали, собственной территории демонстрировались миру как факты обстрела Россией малой, независимой и гордой Грузии. При этом следует отметить, что России и Грузии, которые связаны историческими родственными узами, в дальнейшем никуда не могут деться друг от друга, им неизбежно придется искать новые возможности для сотрудничества [19. С. 30—65].

Пожалуй, именно события вокруг Южной Осетии и Абхазии, когда Россия признала независимость двух этих республик в рамках событий 2008 г., стали первым сигналом необходимости формирования как минимум активной, а в идеале — *проактивной* внешнеполитической линии, т. е. политики, подразумевающей действия на упреждение и основанной на применении тех же механизмов, которые использует Запад, но на благо российских интересов и в рамках российских идеологем. Механизмы, разработанные после распада Советского Союза в контексте внешней

политики Соединенных Штатов, в частности, использование некоммерческих организаций, теле- и интернет-воздействия, — могут и должны быть интегрированы в базу российской внешней политики.

Как пишет российский исследователь Ю. А. Никитина, «для регионального уровня Россия имеет достаточно четко сформулированную модель развития сотрудничества на постсоветском пространстве, которая может выступать руководством к принятию внешнеполитических решений. На глобальном же уровне Россия может четко сформулировать те правила поведения, которые она хотела бы видеть на международной арене, но Россия не формулирует тот вклад, который могла бы сделать российская национальная или же региональная постсоветская модель развития в мировое развитие» [17. С. 30—35].

Следующим крупным вызовом и еще одним сигналом, свидетельствующим о необходимости формирования проактивной внешней политики, стали события вокруг Украины. Украина, входящая в зону жизненно важных интересов России, на протяжении 25 лет подвергалась активному воздействию США. Именно на примере этой братской для России страны можно увидеть результативность механизмов воздействия Соединенных Штатов, которые оказывают активное влияние на население, начиная со школьной скамьи, продолжая вузом и последующей трудовой деятельностью. США не гнушались работать со всеми политическими силами Украины, тем самым получая под свой контроль людей как в среде националистов, сторонников интеграции Украины в западные структуры, так и в рядах сторонников более тесного взаимодействия с Россией.

Эта политика принесла свои плоды в момент политического переворота, который вошел в историю Украины как «революция гідности», (революция достоинства). В феврале 2014 г. был свергнут законно избранный президент В. Янукович. Власть перешла в руки националистов и крупного капитала, украинских олигархов, которые и раньше играли серьезную роль в управлении страной, а теперь, прикрываясь европейскими идеалами, предприняли попытку реализовать свои амбиции, полностью поставив страну под контроль Запада.

Сама Украина, которая и прежде обладала признаками failed state (недееспособного государства), столкнулась с жестким внутренним противостоянием: западная часть населения всегда стремилась к сближению с Польшей и Венгрией, а восточная — с Россией. Идентичность украинца так и не сформировалась в период с распада СССР и до «революции гідности», а это не могло устраивать Запад, издавна ставивший целью отделить Украину от России. Достаточно напомнить сформулированную З. Бжезинским идею о необходимости для американской политики в Восточной Европе в первую очередь разорвать тесные связи между народами этих двух стран [10].

В связи с этим необходимо было сформировать по классическим и простейшим лекалам новую украинскую идентичность. Легче всего идентичность формируется при наличии внешнего врага, которым для Украины провозглашена была Россия. Сплочение населения против

Российской Федерации жесткими, крайне лживыми и демагогическими способами позволяет украинскому государству существовать сегодня в том виде, в котором оно было сформировано после произошедшего переворота.

Именно страх, запугивание и другие подобные инструменты дают новым властям возможность держать все более нищающее население страны в рамках единых националистических идеологем. Логика украинской идентичности стала основываться на примитивном противостоянии «свой — чужой», причем «чужой» стала не только Россия, но и все те на территории самой Украины, кто имел смелость придерживаться иной точки зрения в отношении происходящего в Киеве. Это касалась, в частности, регионов юго-востока Украины, где была развязана гражданская война и силами украинской армии подвергнуты уничтожению целые населенные пункты. С учетом вероятности подобного развития событий в Крыму, который исторически мог принадлежать только России или Турции или вовсе быть независимым (отношения к Украине он никогда не имел, а являлся символом победы русских над османами), в рамках закона был проведен референдум, который инициировала легитимная власть полуострова. Его результатом стало включение двух новых субъектов в состав Российской Федерации.

Этот шаг во внешней политике России назрел давно и требовал осуществления сразу же после распада Советского Союза. Особое внимание следует обратить и на то, что воссоединение Крыма и России было проведено в рамках международного права. Однако ситуация, сложившаяся вокруг Крыма, позволила ряду ученых говорить о «точке невозврата» в отношениях между Россией и НАТО [13. С. 5—16].

При всем этом нельзя не учитывать, что референдум и последующее воссоединение полуострова с Российской Федерацией способствовали росту числа украинцев, которые стали негативно воспринимать деятельность России, — иными словами, имидж России на Украине еще больше пошатнулся. У противников добрых отношений с нашей страной появилось больше аргументов для усиления антироссийских настроений.

Украинские события стали вторым крупным сигналом для России о необходимости проведения более активной и наступательной внешней политики.

* * *

Очередным показателем результативности американских технологий воздействия через социальные сети, некоммерческие и неправительственные организации явилась «арабская весна». Ее итогом стало разрушение казавшихся до этого непоколебимыми политических режимов на территории Северной Африки и Ближнего Востока. В Вашингтоне, внимательно отслеживающем ситуацию во всех наиболее крупных странах, замечали рост недовольства населения стареющими диктаторами, многие из которых ранее имели тесные отношения с теми же Соединенными Штатами, а затем апробировали одну из двух моделей смены власти: эволюционную и революционную.

В 2002 г. в Турции эволюционным путем к власти пришла Партия справедливости и развития (ПСР), которая, сохранив на старте проамериканский вектор во внешней политике, отстранила от рычагов управления страной военных, вызывавших нарастающую неприязнь у турецкого общества. Хотя ПСР и заменила прозападных военных прозападной консервативной внешнеполитической идеологией, в основе которой называлось выстраивание отношений с Ближним и Средним Востоком, на самом деле она до последнего времени, вплоть до попытки военного переворота в июле 2016 г., продолжала действовать в рамках политики, определяемой Вашингтоном.

В других государствах региона была апробирована революционная модель. К власти в результате твиттер-революции приходили более или менее радикальные исламские силы, например, «Братья-мусульмане» во главе с М. Мурси в Египте. В ряде стран при этом возникал хаос, который американцы планировали превратить в управляемый, что, однако, им не всегда удавалось сделать.

По результатам этих «апробаций» можно сделать вывод, что ни одна из моделей не оказалась эффективной.

Так, ПСР в Турции, ставшая продуктом применения эволюционной модели, начала проявлять все большую самостоятельность, что позволило ей укрепить отношения с Россией и выйти из-под контроля США, особенно после отстранения военных от власти в 2010 г. и окончательного разрыва с ними вследствие попытки свержения президента Р. Эрдогана в 2016-м. В Египте революционная модель способствовала приходу к власти Мурси, однако достаточно скоро он был сброшен военными и отправлен за решетку. Беспорядки в Ливии привели не к возникновению управляемого хаоса, а к распаду страны.

Поначалу Россия не принимала участия в этих процессах и играла роль стороннего наблюдателя, считая происходящее неправомерным и не способствующим установлению мира. Ситуация кардинально изменилась, когда перешли в наступление против действующей власти оппозиционные силы в Сирии. Для России это стало новым сигналом о необходимости предпринимать активные внешнеполитические действия и работать на упреждение: не реагировать, а формировать свои собственные механизмы, собственную внешнюю политику на основе четко проработанной стратегии и долгосрочного целеполагания.

В рамках сирийских событий произошло то, чего на Западе, в первую очередь в США, совершенно не ожидали. Президент Республики Б. Асад проявил чрезвычайную стойкость и не сдал позиции; а после возникновения запрещенной (в том числе и в РФ) террористической группировки «Исламское государство» (ИГ), в которую ринулись наиболее радикально и экстремистски настроенные граждане, том числе и из стран постсоветского пространства, против ИГ приняла решение применить силу Россия.

Это соответствовало российским интересам: во-первых, важно было не допустить проникновения этих людей на территорию России и соседних стран; во-вторых, сохранялось влияние России в Сирии и в реги-

оне в целом; в-третьих, военная операция способствовала укреплению позиций России в мировой политической системе.

Запад в рамках сформированной антиигиловской коалиции за период своей деятельности фактически смог сделать очень немного или совсем ничего. ИГ продолжало расширять захваченную им территорию, а это, по мнению западных политтехнологов, должно было способствовать свержению режима Асада. Попутно решалась задача по укреплению курдского единства, что неизбежно стало бы проблемой для всех региональных держав [1. С. 128–133] и дало дополнительные козыри политической игре США на Ближнем Востоке. Вероятно, что в качестве одного из способов расширить конфликт рассматривалась воздушная операция западных стран против «Исламского государства» при активном участии сухопутных сил, например Турции. «Освобождая» Сирию от ИГ, они могли бы случайно (или, что более вероятно, намеренно) «освободить» ее и от ненавистного Западу Асада. Турция для этого даже пожертвовала только-только устанавливавшимися добрыми отношениями с Сирией. В одночасье Турция объявила Асада диктатором и начала против него масштабную информационную кампанию [3].

Хотя Соединенные Штаты в рамках концепции управляемого хаоса стремились к расширению зоны нестабильности, в том числе через миграционный кризис [14. С. 79–93], их планы и планы Турции на определенном этапе совпали. Это было связано с переходом турецкого руководства от политики «мягкой силы» в рамках доктрины «Ноль проблем с соседями» к более жестким методам реализации внешней политики [8. С. 116–122], которая, впрочем, все больше отклонялась от намеченного Соединенными Штатами курса [6. С. 73–89].

России в достаточно короткие сроки по просьбе легитимного режима, т. е. в рамках норм международного права, удалось провести успешную воздушную операцию по уничтожению ИГ на территории Сирии. Операция проводилась в тесном контакте с действиями сирийских сухопутных сил, которые шаг за шагом вытесняли ИГ с занимаемой территории. Операция российских ВКС во многом способствовала и уничтожению финансового и оружейного источника снабжения боевиков, которое велось в первую очередь с территории Турции.

Однако эти события, как и воссоединение Крыма с РФ, привели к росту расхождений между интересами российского и турецкого руководства. В Турции, где и раньше давали о себе знать антироссийские настроения [7. С. 187–196], с весны 2015 г. нарастала антироссийская риторика [12]. Особенно ярко она проявилась во время избирательной кампании в июне 2015 г., когда ПСР пыталась сплотить население, провозгласив наличие внешней угрозы. Та же попытка была предпринята и в канун повторных выборов осенью того же года, в результате которых ПСР удалось сформировать однопартийное правительство. На фоне усиливавшегося противостояния внутри страны этой победе способствовала мощная пропагандистская кампания по противопоставлению Турции и окружающего мира по принципу «свой — чужой». При этом «чужими» объявлялись Россия и международный терроризм, с которыми,

мол, способна бороться только сильная турецкая власть под руководством ПСР.

И как раз в это время произошло событие, ставшее новым испытанием для внешней политики России и еще более настоятельно потребовавшее выстраивания проактивного внешнеполитического курса с использованием инструментария, выработанного на Западе и во времена СССР. Это событие произошло 24 ноября 2015 г., когда над территорией Сирии, вблизи турецкой границы, был сбит российский боевой самолет Су-24.

Положившись на Запад, которому она сообщала о движении своих воздушных судов над территорией Сирийской Республики, Россия не ожидала от Турции такого шага. По этой причине бомбардировщик Су-24 шел без сопровождения истребителей, а когда был сбит, по пилотам открыли огонь с земли исламисты, среди которых были и представители турецкой радикальной националистической группировки «Серые волки». Один из пилотов был застрелен, а после над его телом глумились, снимая происходящее на камеры. Другого пилота удалось выволочить в результате специально организованной операции. С одной стороны, это был личный «удар в спину» Эрдогана [18] по российскому руководству, с другой стороны, — закономерный итог того, что в отношениях между Россией и Турцией возник ряд иллюзий, не соответствовавших действительности. Отношения, построенные сугубо на базе взаимодействия в одной сфере, долго существовать не могут; отношения же России и Турции держались только на экономической кооперации [4. С. 87—96]. Для Российской Федерации, которая после распада СССР ориентировалась в первую очередь на экономические интересы, было тяжело понять, как Турция могла пойти на такой шаг, игнорируя экономические преимущества, связанные с российско-турецким сотрудничеством. Однако Турецкая Республика в данном случае больше руководствовалась идеологическими соображениями, что совершенно четко встраивалось в логику неоосманской проактивной внешней политики [2. С. 71—78].

Произошедшее продемонстрировало, что делать ставку только на одну действующую силу, как это произошло в отношении Турции, является стратегически неверным. России следует активно работать с оппозиционными структурами, причем со структурами, как представленными в парламенте, так и не представленными, более активно формировать свои собственные структуры и влиять на их формирование, вести более активную информационную работу на территории страны — ведь в Турции есть много сил, с которыми можно вести конструктивный диалог. В этом плане стоит позаимствовать лучшие из инструментов воздействия, применяемых Соединенными Штатами и той же Турцией, которая за годы после распада СССР через образование, науку и экономику формировала и формирует лобби на территории в первую очередь турецких государств и тюркоязычных республик России [5. С. 5—10].

При этом осложнение взаимодействия России и Турции не могло превратиться в устойчивый тренд в связи с экономической кооперацией

(у стран есть ряд крупных действующих и перспективных проектов) и взаимодействием по вопросам безопасности (разрешение сирийского кризиса, проблемы миграции, терроризма, развитие обстановки на Кавказе и в Центральной Азии).

Кроме того, сама Турция столкнулась с существенными угрозами внутренней стабильности, связанными с беженцами и попыткой военного переворота летом 2016 г., когда одна из групп влияния, связываемая руководством страны с проповедником и публичным деятелем Фетхуллахом Гюленом и США, попыталась свергнуть режим Эрдогана. Организации, ассоциируемые с Гюленом, в Турции получили название «FETÖ» — террористическая организация гюленистов.

Произошедшее еще сильнее побудило к диалогу с Анкарой Москву, для которой гюленисты также являются крайне недружественным фактором. Более того, в Турецкой Республике растут антиамериканские настроения, что также позитивно сказывается на внешнеполитическом развороте государства, который при благоприятных обстоятельствах должен привести к возвращению Турции в зону стабильности. Президент Эрдоган даже заявлял, что планирует строить страну с нуля.

В этом контексте важным представляется визит, который в августе 2016 г. он совершил в Санкт-Петербург в такое непростое для своей страны время. Хотя встреча двух президентов не закончилась прорывом, она позволила говорить о возможностях перезагрузки двусторонних отношений и выстраивания их на новой основе.

* * *

Таким образом, российская внешняя политика, прошедшая с момента распада СССР целый ряд этапов, от прозападных иллюзий до сосредоточения на себе — и перехода к более активным действиям, и сегодня нуждается в выходе на новый этап. В его рамках российские внешнеполитические действия были бы направлены не на реагирование на те или иные события, а в первую очередь на активное формирование новой мировой политической среды.

Литература

1. **Аватков В. А.** Курдская проблема на турецком поле // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2.
2. **Аватков В. А.** Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная Мысль. 2014. № 3 (1645).
3. **Аватков В. А.** Россия и Турция: вместе или порознь. М. : Международные отношения, 2015.
4. **Аватков В. А.** Турция после парламентских выборов // Свободная Мысль. 2016. № 2 (1656).
5. **Аватков В. А., Бадранов А. Ш.** «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27).
6. **Аватков В. А., Дружиловский С. Б.** Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель (Observer). 2013. № 6 (281).
7. **Аватков В. А., Иванов Н. А.** Россия и Турция: противостояние идеологий // Свободная Мысль. 2012. № 9—10 (1635).

8. **Аватков В. А., Чулковская Е. Е.** Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре — «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. 2013. № 2.
9. **Бажанов Е. П.** Приоритеты России в меняющемся мире. М. : Научная книга, 2000.
10. **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. — <http://knigosite.org/library/read/53638> (дата обращения: 05.05.2013).
11. **Богатуров А. Д.** Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная Мысль. 1996. № 2.
12. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 — лето 2015 г.) / под ред. В. А. Аваткова. М., 2015.
13. **Иванов О. П.** Россия и НАТО: точка невозврата // Обозреватель (Observer). 2015. № 1 (300).
14. **Касаткин П. И., Хрусталева И. М., Аватков В. А.** Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI в. // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27).
15. **Каширина Т. В.** Проблема сокращения стратегических наступательных и оборонительных вооружений в российско-американских отношениях постсоветского периода // Новая и новейшая история. 2014. № 3.
16. **Лебедева М. М.** Формирование новой политической структуры мира и место в ней России // Полис. 2000. № 6.
17. **Никитина Ю. А.** Российский подход к продвижению «мягкой силы» в сфере внешней политики. // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35).
18. Путин: атака Турции на Су-24 — удар в спину РФ, который нанесли пособники террористов // ТАСС. Информационное агентство России. — <http://tass.ru/politika/2467007> (дата обращения: 05.05.2016).
19. **Силаев Н. Ю., Сушенцов А. А.** Россия и Грузия: что за красными линиями? К долгосрочной повестке дня российско-грузинских отношений // Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. М., 2014. ◆